

УДК 294.321+82-97+801.82

DOI 10.22162/2500-1523-2018-13-71-85

Текст «Хара келе» из коллекции О. М. Дорджиева*
A Xara Kele Text from O. M. Dordzhiev's Collection

Д. Н. Музраева (D. N. Muzraeva)¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: deliash@mail.ru

Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Associate Professor, Leading Research Associate, Head of Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: deliash@mail.ru

Аннотация. В данной публикации автор приводит один из многочисленных списков известного обрядового текста «Хара келе», хранящийся в коллекции известного калмыцкого буддийского священнослужителя О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). Формальные его характеристики позволяют датировать текст первой половиной или началом XX в. Привлекает карандашная запись на последней странице, указывающая на имя того, кто этот текст смотрел, использовал в ритуале, именуемом «Отрезание „черного“ языка». Согласно этой записи, имя этого гелюнга — геше Агван Табдан. Автор отмечает, что так подписывал свои заметки, послания-письма один из тех калмыцких гелюнгов, которые получили религиозное образование, но в силу объективных причин были вынуждены снять с себя религиозный сан и перейти в статус мирянина. Удивителен тот факт, что данная рукопись оказалась в составе Фонда-15 (Фонда О. М. Дорджиева), а не в Фонде-8, в которой имеются довольно обширная коллекция Э. Б. Убушиева.

Факт установления имени священнослужителя по записи, сделанной им после рецитации текста, с одной стороны, указывает на имя одного священнослужителя,

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Старописьменная литература монгольских народов: тексты и исследования» (регистрационный номер АААА-А18-118021090005-1).

с другой — проливает свет на жизнь и деятельность многих других гелюнгов, которые и в условиях проводившейся политики атеизации не переставали осуществлять отдельные обряды, тем самым поддерживая своих соотечественников и сохраняя традиционный обряд, имеющий древнее происхождение.

Ключевые слова: буддизм, калмыки, письменные источники, тексты «Хара келе», гелюнги, обряд, архив КалмНЦ РАН

Abstract. The paper examines one manuscript version of the famous ceremonial text *Xara Kele* that had been contained in the personal collection of the renowned Kalmyk Buddhist cleric O. M. Dordzhiev (Tügmüd Gavji). Formal characteristics of the text make it possible to date it back to the early or early-to-mid 20th century. It is noteworthy that there is a pencil note on the last page which indicates the name of the individual who had read and made use of the text when performing a ritual named ‘*Cutting the Black Tongue Off*. According to the note, that *gelong*’s name was *geshe* Agvan Tabdan. The article clarifies the latter was a name used by one Kalmyk *gelong* — who had received spiritual training but was later compelled to give up his monastic vows — to sign his works and remarks. The astonishing thing is that the manuscript was discovered in Fund 15 (O. M. Dordzhiev’s collection) and not in Fund 8 that contains quite a vast collection of texts once possessed by E. B. Ubushiev.

The fact that a cleric’s name has been identified through a note he had made after a recitation of the text, on the one hand, indicates the name of that one cleric, and on the other hand, casts light upon lives and deeds of many other *gelongs* that even under the then atheistic policies kept performing certain rituals to support their compatriots and maintain the ancient tradition.

Keywords: Buddhism, Kalmyks, written sources, тексты *Xara Kele* texts, *gelongs*, ritual, Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Одной из актуальных проблем современного монголоведения является исследование и введение в научный оборот письменных источников буддийской тематики. Особого внимания заслуживают образцы текстов, воспроизведенных на поздних этапах бытования ойратской письменности Зая-пандиты у волжских калмыков. О проблемах, с которыми сопряжены эти исследования, мы отмечали в предыдущих публикациях [Музраева 2017а; 2017в].

В данной публикации автор приводит один из многочисленных списков известного обрядового текста «Хара келе» [ХК 1] из коллекции известного калмыцкого буддийского священнослужителя О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи) (1887–1980). Формальные характеристики позволяют датировать его первой половиной или

началом XX в. Содержание текста — это словесное сопровождение древнего обряда «отрезание черного языка». Последний неоднократно выступал объектом изучения [Очиров 2002; Бакаева 1994: 113]. Ряд текстов, имеющих отношение к обряду, устраняющему последствия злословия, были описаны и каталогизированы [Орлова 2002], исследованы [Музраева 2012: 32–33] и опубликованы [Басангова 2008; Музраева 2017б].

В данной работе мы приводим транслитерацию и комментированный перевод текста, а также его факсимиле.

Xarü kelena südür orošiba Транслитерация текста	Сутра «Черного языка» Перевод
[1a] Namu gurē blama-dü / mürgümüi:	[1a] Клянюсь ламе (гуру-учителю),
büroxon-dü / mürgümüi:	клянюсь Будде ¹ ,
xuvaraqtü / mürgümüi:	клянюсь сангхе (монахам),
idm büroxona / čuloḡöndü mürgümüi[:]	клянюсь собранию (сонму) идам- бурханов (будд-покровителей),
batar / büroxon-nüḡüdtü mürgümüi: /	клянюсь буддам-защитникам ² ,
ragni-nüḡüdtü mürgümüi: /	клянюсь богиням (рагиням),
nomin sakusen-nüḡüdtü / mürgümüi:	клянюсь хранителям Учения (дхармараджам),
ünün <u>uga</u> ³ / bütüqsan aruš-nüḡüdtü / mürgümüi:	клянюсь святым (риши), практикующим истину.

¹ Здесь в молитвенной формуле, обращенной к Трем драгоценностям (т. е. к Будде, Учению и сангхе), пропущена фраза «Поклоняюсь дхарме (Учению)».

² Здесь букв. «буддам-богатырям, героям».

³ Здесь отрицательное слово лишнее, должно быть ünün bütüqsen ‘практикующие истину’.

<p>tedeni ununi / adis tîd⁴ kigid nomin / aḡarü tîn arelyaḡsan [2a] kiged undûsin urü / šütün bareldḡsin kigēd / ondotoxü uga ününi / adis tîd kigēd yomülön / bareledeḡçi⁵ ügülegin ezeni ünin san[a]ni küüçin-yer / mini unin {uga}⁶ edu bûgudu / unindü butuku boltoḡa: /</p>	<p>В силу их истинного благословения, а также того, что так очистили сферу дхармы, [2a] а также того, что плод мысли имеет причину, а также в силу благословения необманчивой истины, истинности помыслов хозяина подношений, связывающего с чем-либо (с явлениями), пусть все мои неправдивые слова превратятся в истину!</p>
<p>bûsidin müü san[a]ni burü / uldübür bürü kelin aman / xamoḡ xarü xaroxa boltoḡa:</p>	<p>Пусть обернутся вспять все недобрые (скверные) мысли и деяния, злословие других.</p>
<p>[2b] ene mete xarü külüsin⁷ / kelüga utulümüi:</p>	<p>Отрезаю язык подобного этому черного дракона (луса, нага).</p>
<p>xarü / çitirin keleg utulümüi: /</p>	<p>Отрезаю язык черного демона.</p>
<p>xamüḡ xarü keleg utulümüi: /</p>	<p>Отрезаю все черные языки.</p>
<p>xamüḡ müü yorig xariulun / utulümüi:</p>	<p>Отрезаю, обращая вспять, все плохие приметы.</p>
<p>öndör kümîn / basan doromjilon kelüḡçin / kelüg utulümüi:</p>	<p>Отрезаю язык высокого (высокопоставленного) человека (высокого [происхождения]), который речами оскорбляет и унижает.</p>
<p>saḡcu / kumün ataroxan tongçilan / kelüḡçin kelüg utulümüi: /</p>	<p>Отрезаю язык человека, равного [по происхождению], который говорит с завистью (проявляет зависть).</p>

⁴ Здесь и на следующей стр. слово adis tîd ‘благословение’ записано отдельно, очевидно, по той причине, что было переписано (зафиксировано с переносом) со списка, в котором это слово, оказавшееся в конце строки, было перенесено на следующую и так копировалось поздними переписчиками, как и в рассматриваемой рукописи.

⁵ Данное слово, возможно, следует читать как *yumün barüldüḡçi* ‘связывающего что-л.’ (ср. [ХК 2: л. 2b (2–3)]).

⁶ Это слово, скорее всего, записано позже, поскольку расположено слева от основной вертикальной линии.

⁷ Так записано слово *klu* ‘нага; дракон’.

boyonı kumin uzē yūden ⁸ / xaraşūlan kelüqçin / kelüg utulümüi:	Отрезаю язык никчемного (ничтожного) человека, проносящего проклятье.
sadün-yer / ünür bolba giji keleqçin [3a] kelegi utulümüi: /	Отрезаю язык говорящего, что обрел многочисленных родственников.
ayurusun-yer bayın bolba / geji kelüqçin kelüg utulümüi: /	Отрезаю язык того, кто говорит, что разбогател имуществом.
uruşun-yer ödör bolba / geji kelüqçin kelüg utulümüi: /	Отрезаю язык того, кто, опережая (наперед), говорит, что настал день.
eredem-yer yeke bolba geje / kelüqçin kelüg utulümüi: /	Отрезаю язык того, кто говорит, что обрел большие знания.
nöküd-yer usukulungē / bolba geje xamoq müü / xarü sanatan kelüg / utulümüi:	Отрезаю язык того, кто, говоря, что обрел удивительно [много] друзей, проявляет самые плохие мысли
xamoq müü / yorig xarulun utalumui: ⁹ /	Отрезаю язык, обращая вспять, все самые плохие приметы.
xomoyolcoxu setkelin [3b] uüdün-ece kelüqçin kelüg / utulümüi:	Отрезаю язык говорящего из врат (с) корыстными мыслями.
xoroloxü setekelin / uüdün-ece kelüqçin / kelüg utulümüi:	Отрезаю язык говорящего из врат (с мыслями) причинить вред.
burüdü / uzen kelüqçin kelüg / utulümüi:	Отрезаю язык того, кто расценивает (воспринимает) превратно (считает несправедным).
burulxudu darulun / keleqçin kelüg utulümüi: /	Отрезаю язык того, кто говорит, подавляя ослабевших.
gemte boloyon keleqçin / kelüg utulümüi:	Отрезаю язык того, кто речами ¹⁰ доводит до болезни.
urüdin / ugi kegēd daruduyin / şiltun sayın buruduşsen-/dü ülü tusun keleqçin / kelüg utulümüi:	Отрезаю язык того, кто не одобряет на словах то (проявляет недовольство тем), как кто-то прилежно исполняет прежние слова и последующие причины.

⁸ Данное словосочетание следует рассматривать как *uzē yadan* 'не в силах видеть (снести)'.
⁹ Данная фраза уже встречалась ранее (см. этот же текст [ХК 1: л. 2b]).
¹⁰ Букв. 'когда говорит'.

[4a] tobčılxele müdüxüdü / bayüs[a] n keleqčın kelüg / utulümüi:	Если заключить вкратце, то отрезаю язык того, кто радуется, что кому-то плохо.
sadüxüdü ulüü / bayasun keleqčın kelüg / utulümüü:	Отрезаю язык того, кто говорит без всякой радости, когда кому-то хорошо.
mini unun / ugan ögülüqsan eden-/ yer xudul muu sanani / buru uldubar tedē / xamuq ulduqči tus / tustan xarüü xaraxa / boltoğa:	Пусть в силу этого произнесенного мной не истинного (не правдивого), обернутся вспять на головы каждого из всех тех, кто совершает несправедные деяния лжи и плохих (недобрых) мыслей,
sator xarü / boltoğa:	пусть наилучшим образом обернутся на них!
sarva manggalam:	Да пребудет благоденствие!
[4b] šürün xarü keleni südür: 1976 ж(ил) taka sar 23-dü nen üngšoqson g[e]bši Aqvq (=Aqvang) Tabdan	Сутра сурового (грубого) черного языка. 1976 года, в 23-й [день] месяца курицы раскрыл и прочитал геше Агван Табдан

Таким образом, анализ текста данной рукописи показал, что по содержанию она представляет собой часть обрядового текста, направленного против злословия. Одним из таких наиболее полных образцов, возможно, является текст более ранней рукописи из коллекции НА КалмНЦ РАН [ХК 2], к которому мы обращались при анализе данной рукописи.

В целом для исследованного списка характерен ряд черт, присущих ойратским письменным источникам, воспроизведенным калмыками в начале или первой трети XX в., т. е. на более поздних этапах распространения и бытования ойратской письменности. Не могла не сказаться на религиозной жизни и жизни отдельных представителей калмыцкой буддийской сангхи проводившаяся политикой всеобщей атеизации, начатая в 1920-х гг., последовавшие за ней репрессии в отношении буддийских монахов. Закрытие конфессиональных школ Цанид Чёёря неминуемо сказалось на уровне просвещенности, грамотности священнослужителей, многие из которых вынуждены

были снимать с себя сан и становиться светскими людьми, а это в свою очередь не позволяло им продолжать свое обучение. Того объема знаний, которыми располагали послушники, было недостаточно для совершения религиозной практики во всей полноте, хотя определенные виды обрядов ими совершались. Для того чтобы злословие, которое, по представлениям буддистов, является одним из неблагоприятных деяний, совершаемых языком (т. е. изустно), не возымело действия, не сказалось негативно на человеке, и проводился обряд, в котором соответствующий обрядовый текст играл важную роль. Для этого создавались многочисленные копии, списки исходного классического текста. В тех случаях, когда его не было, мы можем предположить, что сам гелюнг или послушник мог воспроизводить его на письме по памяти. Этим можно объяснить неточности и ошибки графического характера, а также орфографические ошибки, встречающиеся в таких текстах. Но не только этим можно объяснить большое количество отступлений от классического «тодо бичиг» («ясного письма») Зая-пандиты. В этом заметную роль сыграли процессы реформирования традиционной письменности, с которыми были связаны внесения поправок, корректив в систему письма, разработанную Зая-пандитой. Самое печальное в этой истории — то, что по итогам реформы было принято решение перейти на современную кириллицу, а «ясное письмо» так и осталось на полпути, не получив, будучи оторванным от правил Зая-пандиты, окончательную завершённую систему. Возможно, в том числе и поэтому мы встречаем так много ошибок в поздних текстах на ойратской письменности.

Что касается представленной рукописи, то для нее, как и для многих обрядовых религиозных текстов, характерна запись, сделанная позднее, чем была создана сама рукопись. Речь идет о карандашной записи на последней странице рукописи, привлекающая наше особое внимание, поскольку в ней приводится имя того, кто этот текст смотрел, возможно, использовал в ритуале «Отрезание „черного“ языка». Согласно записи, имя этого гелюнга — геше Агван Табдан (варианты чтения Тавдан / Давдан). Анализ письменных источников, хранящихся в Научном архиве КалмНЦ РАН, сосредоточенных в Фонде–8, позволяет определить, что так подписывался, делал свои пометы (записи, послания-письма и т. п.) Э. Б. Убушиев (1905–1981), один из тех калмыцких гелюнгов, которые получили

религиозное образование, но в силу объективных причин были вынуждены перейти в статус мирянина (т. е. статья «хар»). Удивителен тот факт, что данная рукопись оказалась в составе Фонда–15, т. е. Фонда О. М. Дорджиева, а не в Фонде редких рукописей (Ф–8), в котором сосредоточена большая часть довольно содержательной коллекции Э. Б. Убушиева. Объяснить этот факт, на наш взгляд, можно тем, что, возможно, священнослужители общались друг с другом, и список был передан при личной встрече. Но вполне можно допустить, что этот список хранился у кого-то из мирян, к которым приходил Э. Б. Убушиев, или они обращались к нему со своим текстом, и он в свою очередь совершил подобный обряд и прочел этот текст, что расценивалось как «оживление» (калм. *эмрулһн*) священного текста. По прошествии времени родственники владельца списка могли передать его Тугмюд-гавджи, на тот момент одному из самых авторитетных гелюнгов Калмыкии. Примечательно, что не всегда священнослужители оставляли записи, делали пометы в конце текста. Что же касается Э. Б. Убушиева, то характерным для него было стремление сделать разного рода пометы, записи и даже своего рода письма-послания на самой рукописи и ксилографе или на отдельном вставном листе, что было отмечено в одной из наших публикаций, в которых описывается коллекция этого гелюнга [Музраева 2018].

Таким образом, на основе анализа текста рукописи, установленных фактов, мы можем заключить, что факт установления имени священнослужителя по записи, сделанной им после рецитации текста, с одной стороны, указывает на имя одного (конкретного) священнослужителя, с другой — проливает свет на жизнь и деятельность многих других гелюнгов, которые и в условиях проводившейся политики атеизации не переставали осуществлять отдельные обряды, тем самым поддерживая своих соотечественников и сохраняя традиционный обряд, имеющий древнее происхождение.

Источники / Sources

ХК 1 — *Xarü kelena südür oroşiba* (‘Сутра «черного» языка’). Рукопись на ойратской письменности. 17x10,5 см, бумага: тетр. лл. в линию, 11–14 строк. — Научный архив КалмНЦ РАН. Шифр: ФД–15 (Фонд О. М. Дорджиева). Оп. 3. Ед. хр. 410. 4 л. [*Xarü kelena südür oroşiba* [The Sutra of the ‘Black Tongue’]. A Clear Script (Oirat-language) manuscript. 17x10,5 sm, paper: ruled notebook, 11–14 lines. *Nauchnyy arkhiv KalmNTS*

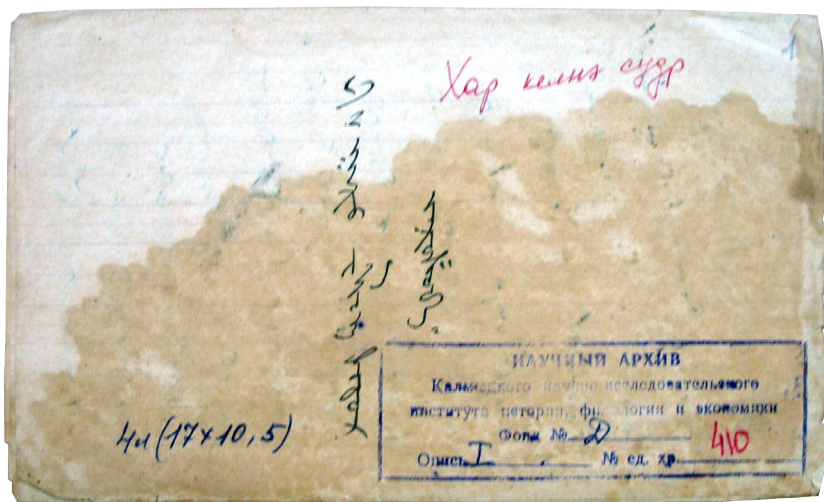
- RAN [Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS]. ФД–15 (Fund of O. M. Dordzhiev). Ser. 3. Item 410. 4 p. (In Oir.-Mong.)]
- ХК 2 — *Xara kele oršobo* ('Черный язык'). Рукопись на ойратском языке. — НА КалмНЦ РАН. ФД–15 (Фонд О. М. Дорджиева). Оп. 3. Ед. хр. 289. 18 л. [*Xara kele oršobo* [The 'Black tongue']. A Clear Script (Oirat-language) manuscript. *Nauchnyu arkhiv KalmNTS RAN* [Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS]. ФД–15 (Fund of O. M. Dordzhiev). Ser. 3. Item 289. 18 p. (In Oir.-Mong.)]

Литература / References

- Бакаева 1994 — *Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 127 с. [Bakaeva E. P. *Buddizm v Kalmykii. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Buddhism in Kalmykia: historical and ethnographic essays]. Elista: Kalm. Book Publ., 1994. 127 p. (In Rus.)]
- Басангова 2008 — *Басангова Т. Г.* К вопросу о бытовании у калмыков ритуальных текстов «Отрезание черного языка» // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 61–74. [Basangova T. G. Revisiting the Kalmyk ritual texts referred to as 'Cutting off the Black Tongue' and related practices. *Buddiyskaya traditsiya v Kalmykii v XX veke: pamyati O. M. Dordzhieva (Tugmyud-gavdzhi). 1887–1980*. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2008. Pp. 61–74. (In Rus.)]
- Музраева 2012 — *Музраева Д. Н.* Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии / отв. ред. Э. П. Бакаева; науч. ред. А. А. Бурькин. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2012. 224 с. [Muzraeva D. N. *Buddiyskie pis'mennyye istochniki na tibetskom i oyratskom yazykakh v kollektsiyakh Kalmykii* [Tibetan and Oirat-language Buddhist written sources contained in collections of Kalmykia]. E. P. Bakaeva, A. A. Burykin (eds.). Elista: Dzhangar, 2012. 224 p. (In Rus.)]
- Музраева 2017а — *Музраева Д. Н.* К проблеме палеографического исследования буддийских письменных памятников (на материале оригинальных и переводных сочинений калмыцких священнослужителей из коллекции КалмНЦ РАН) // Великая российская революция в судьбах народов Юга России: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Элиста, 13 сент. 2017 г.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 235–240. [Muzraeva D. N. Buddhist written monuments: the issue of paleographic research revisited (a case study of original compositions and translations by Kalmyk clerics from the collection of the Kalmyk Scientific Center of the RAS). *Velikaya rossiyskaya revolyutsiya v sud'bakh narodov Yuga Rossii*. Conf. proc. Elista: Kalm. Sc. Cent. of RAS, 2017a. Pp. 235–240. (In Rus.)]

- Музраева 2017б — *Музраева Д. Н.* Об одной ойратской рукописи 1914 г. из коллекции Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева) // Вестник НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 4. С. 189–197. [Muzraeva D. N. One 1914 Oirat manuscript from Tuugmyud-Gavji's collection (O. M. Dordzhiev) revisited. *Vestnik NIIGN pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 2017b. No. 4. Pp. 189–197. (In Rus.)]
- Музраева 2017в — *Музраева Д. Н.* К проблеме датировки поздних ойратских текстов на основе палеографического и графико-орфографического описания (по материалам архивов Республики Калмыкия) // Монголоведение: сб. науч. тр. Вып. 11. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 132–134. [Muzraeva D. N. Dating the late Oirat texts through paleographic and orthographic descriptions (evidence from Kalmykia's archival materials. *Mongolovedenie*. Coll. papers. Is. 11. Elista: Kalm. Sc. Cent. of RAS, 2017v. Pp. 132–134. (In Rus.)]
- Музраева 2018 — *Музраева Д. Н.* Коллекция тибетских и монгольских письменных источников Калмыцкого научного центра РАН, поступившая от Э. Б. Убушиева. Штрихи к портрету фондообразователя по дарственным записям // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1206–1216. [Muzraeva D. N. About the collection of Tibetan and Mongolian written sources donated to the Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAN by E. B. Ubushiev: using donation inscriptions to touch up the portrait of the donor. *Vestnik arkhivista*. 2018. No. 4. Pp. 1206–1216. (In Rus.)]
- Орлова 2002 — *Орлова К. В.* Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 5. М.: ИВ РАН, КИГИ РАН, 2002. 85 с. [Orlova K. V. An overview of Mongolian manuscripts and xylographs contained in Kalmykia's funds. *Bulleten' Obschestva vostokovedov*. Is. 5. Moscow: Inst. of Oriental Studies of RAS, Kalm. Hum. Res. Cent. of RAS, 2002. 85 p. (In Rus.)]
- Очилов 2002 — *Очилов Н.* Йорелы, харалы и связанный со вторым обряд «хара келе утулган» у калмыков // Избранные труды Номто Очилова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 33–36. [Ochirov Nomto. *Yoräls* (well-wishing verses), *kharals* (curses) and the Kalmyk ritual of 'Khara Kele Utulgan' related to the latter. *Zhivaya starina*. A periodical by Ethnography Dept. of Imperial Russian Geographic Society. Is. II–III, year VIII. St. Petersburg: Ethnography Dept. of Imperial Russian Geographic Society, 1909. Pp. 84–87. Cit. ex: Ochirov N. *Yoräls*, *kharals* and the Kalmyk ritual of 'Khara Kele Utulgan' related to the latter. *Izbrannye trudy Nomto Ochirova* [Selected works by Nomto Ochirov]. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 33–36. (In Rus. and Kalm.)].

Приложение
«Харü kелena südür orošiba (‘Сутра «черного» языка’).
Факсимиле рукописи»

Handwritten text in cursive script on the top page of a manuscript. The text is arranged in approximately 12 vertical columns, reading from right to left. The ink is dark and the paper shows signs of age and staining.

Handwritten text in cursive script on the bottom page of a manuscript. The text is arranged in approximately 12 vertical columns, reading from right to left. The ink is dark and the paper shows signs of age and staining.

Handwritten text in Arabic script, likely a list or account, written on aged, yellowed paper. The text is arranged in several columns, with some lines starting with a small symbol resembling a crescent moon or a similar character. The ink is dark and the paper shows signs of wear and discoloration.

Handwritten text in Arabic script, continuing the list or account from the top page. The text is arranged in several columns, with some lines starting with a small symbol resembling a crescent moon or a similar character. The ink is dark and the paper shows signs of wear and discoloration.

Handwritten text in Arabic script, likely a list or account, written on aged, yellowed paper. The text is arranged in approximately 12 vertical columns, reading from right to left. The script is cursive and includes various diacritical marks. The paper shows signs of wear, including a small tear at the top left corner and some staining.

Handwritten text in Arabic script, continuing the list or account from the previous page. The text is arranged in approximately 12 vertical columns, reading from right to left. The script is cursive and includes various diacritical marks. The paper shows signs of wear, including a small tear at the top left corner and some staining.

